
Опыт прихода молодых людей в православное священство в России (на примере приходов города Москва)

Рекомендация для цитирования:

Чебанова Д.С., Кечик У.А., Андриянов Д.А., Брагина А.Б. Опыт прихода молодых людей в православное священство в России (на примере приходов города Москва) // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2025. № 2 (43). С. 173–201.

For citations:

Chebanova, D.S., Kechik, U.A., Andriyanov, D.A., Bragina, A.B. (2025) "Experience of Young Priests Entering the Orthodox Priesthood in Russia (Example of Moscow Parishes)", *Gosudarstvo, religiia, tserkov' v Rossii i za rubezhom* 2 (43): 173–201.

Поступила в редакцию: 12.07.2024; прошла рецензирование: 26.02.2025; принята в печать: 01.04.2025.

Received: 12.07.2024; Revised: 26.02.2025; Accepted for publication: 01.04.2025.

This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

© 2025 by the authors

ДАРЬЯ С. ЧЕБАНОВА

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия). dchebanova@hse.ru

ORCID: 0009-0000-4681-5780

УЛЬЯНА А. КЕЧИК

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия). uakechik@edu.hse.ru

ORCID: 0009-0004-7514-9253

ДЕНИС А. АНДРИЯНОВ

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия). daandriyanov@edu.hse.ru

ORCID: 0009-0005-6632-7289

АНАСТАСИЯ Б. БРАГИНА

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия). abbragina@edu.hse.ru

ORCID: 0009-0002-9342-6811

Статья посвящена изучению переживаний и рефлексии молодых священнослужителей московских приходов по поводу своего опыта прихода в священство. Основными вопросами исследования являются: каким образом молодые священнослужители относятся к своему опыту прохождения через рукоположение? через какой событийный ряд и экзистенциальные переживания проходят молодые люди на своем пути к служению в церкви? Поиск ответов на эти вопросы выстраивался авторами через индуктивную стратегию ра-

боты с текстами глубинных интервью. Основной методологической рамкой исследования стала феноменология, уделяющая особое внимание субъективному жизненному опыту. Такой подход позволяет выявить основную событийную цепочку, в которой значимыми оказываются эмоциональные переживания вокруг рукоположения, а также ощущаемые изменения после этого. Интересно, что молодые священнослужители воспринимают свое дело в качестве служения — это среднее между работой и призванием. Другим значимым результатом данного исследования является то, что священнослужители перестают отделять себя от своего опыта священства — из социальной роли оно перерастает в полноценную идентичность, подчиняющую себе иные коллективные принадлежности и аспекты самости респондентов.

Ключевые слова: священство, православное священство, жизненный опыт, призвание, рефлексия прихода в священство

Experience of Young Priests Entering the Orthodox Priesthood in Russia (Example of Moscow Parishes)

Daria S. Chebanova

HSE University (Moscow, Russia). dchebanova@hse.ru

ORCID: 0009-0000-4681-5780

Uliana A. Kechik

HSE University (Moscow, Russia). uakechik@edu.hse.ru

ORCID: 0009-0004-7514-9253

Denis A. Andriyanov

HSE University (Moscow, Russia). daandriyanov@edu.hse.ru

ORCID: 0009-0005-6632-7289

Anastasia B. Bragina

HSE University (Moscow, Russia). abbragina@edu.hse.ru

ORCID: 0009-0002-9342-6811

The article focuses on the experiences and reflections of young priests in Moscow parishes regarding their journey to becoming ordained. The main research questions are: how do these young clergy members perceive their ordination experience? What kinds of events and personal experiences occur during their journey to become a minister of the church? To answer these questions, the authors used an inductive approach to analyze in-depth interviews with young clergy. The study is based on phenomenology, a methodology that focuses on subjective experience, allowing to identify key events and emotions surrounding ordination and its impact on the

individuals' lives. Interestingly, young priests see their priesthood as a *Beruf* which is partially different from both a vocation and a job. Another significant finding is that clergy no longer separate themselves from their experience as priests — it becomes a fully formed identity, subordinating other collective identities and aspects of their Self.

Keywords: priesthood, Orthodox priesthood, subjective experience, *Beruf*, calling, reflection on coming to priesthood

КАК человек становится священником? Если иметь в виду специфику священнического служения и слабую осведомленность аутсайдеров о жизнедеятельности представителей соответствующей группы, этот вопрос оказывается вполне релевантным, а ответ на него предполагает разные исследовательские подходы. С одной стороны, служение священника представляется как своего рода работа: труд священнослужителей оплачивается, у них есть обязательства как перед церковными структурами, в рамках которых они действуют, так и перед приходскими общинами¹. С другой стороны, существует представление о служении священника как о деле (*Beruf*), которое восходит к Мартину Лютеру². В этом случае священство понимается как призвание, и, соответственно, мотивации и установки представителей соответствующей группы становятся менее рациональными и более субъективными.

Для нас основными являются вопросы: что такое священство изнутри, в восприятии самих людей, которые стали священнослужителями? Как они видят свой путь к рукоположению и какой субъективный опыт при этом они переживают? Нужно отметить, что данное исследование не имеет целью построение некоей общей аналитической конструкции — скорее, наоборот: мы пытаемся внимательно рассмотреть опыт прохождения через рукоположение московских православных священнослужителей. Для настоящей статьи методологически значимо, что речь идет о специфической группе, которая остается достаточно закрытой для исследователей, находящихся вне церковной структуры. Это видно не только тем, кто сталкивается с проблемами, стараясь внедриться в исследовательское поле и рекрутировать респондентов. В этом поле наиболее глубокие исследования принадлежат

¹ Cachia, E. (2019) *The Experience of Being a Priest and a Psychotherapist: The Lived Experience of the Two Identities*. Malta: IFT-Malta.

² Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. М.: Прогресс, 1990. С. 95.

самим представителям соответствующей группы³. Фокусом нашего разговора с респондентами стало постоянное противопоставление в жизни священника ожиданий со стороны паствы, церкви и религии⁴ и представлений самого священнослужителя о своем образе и своем деле (*Beruf*). Для исследователей же, которые находятся вне группы, интересны интерпретации самих респондентов и изложение их субъективного опыта языком, который значим для самого священнослужителя и не нуждается в трактовках извне.

Ниже предложен анализ глубинных феноменологических интервью с молодыми священнослужителями московских приходов, которые проходили через опыт рукоположения не так давно и потому продолжают рефлексировать над этим опытом; кроме того, они все еще относятся к группе «молодежь». Исследование состояния молодых священников интересно и с теологической точки зрения: это самый нестабильный этап в жизни священнослужителя, так как «новоначальные пастыри» наиболее подвержены искушениям и кризисам в служении⁵, а следовательно, в период перед рукоположением и в самом начале служения переживают очень специфический опыт.

Принадлежность многих священнослужителей к молодежной категории⁶ интересна и социологически, поскольку молодые священники являются представителями новых поколений⁷. Так называемые поколения миллениалов и зумеров исследователи характеризуют большими трансформациями в восприятии мира вокруг себя, понимании работы как таковой и готовности

³ См., например: Емельянов Н. Н. Кризисы и этапы в служении и жизни священника // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 1: Богословие. Философия. Религиоведение. 2022. № 99. С. 30–56; Емельянов Н. Н. Значение семьи православного священника в пастырском служении: богословский подход // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 1: Богословие. Философия. Религиоведение. 2019. № 82. С. 34–50.

⁴ Воронин С. В. Исследование особенностей социальной рефлексии православного священнослужителя // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 4: Педагогика. Психология. 2018. № 50. С. 127–136.

⁵ Антоний (Храповицкий), еп. Лекции по пастырскому богословию. Казань, 1900. С. 76.

⁶ Шамарин Я. В. Социальный портрет священнослужителя в условиях мегаполиса // Теология в научно-образовательном пространстве: задачи и решения. 2021. С. 258–269.

⁷ Burnett, J. (2016) *Generations: The Time Machine in Theory and Practice*. Routledge.

к не устраивающим индивида условиям труда⁸. В Москве же тенденция к омоложению священства проявляется еще ярче⁹, а потому этот регион можно считать показательным при рассмотрении опыта молодых священнослужителей.

Актуальность настоящего исследования связана также и с тем, что изучение священников как в мире, так и в России остается на периферии научной работы¹⁰. Это происходит, в частности, потому, что ряд современных исследований (особенно католической церкви) приобретает характер активистских исследований и описания функционирования церкви как института, утрачивая этнографическую или нарративную перспективу¹¹. В России же исследования православного священства стоят особняком и являются немногочисленными, особенно когда речь идет о восприятии самими священнослужителями своего статуса и опыта. Хотя проводились исследования «священника» с точки зрения дихотомии профессия/служение¹², нехватка социологического изучения священства как группы практически исключает эту группу из числа «профессиональных» сообществ, например из такого направления, как изучение молодежи и их установок относительно «профессионального» выбора. Такое исключение во многом не соответствует уже наличествующей тенденции к изучению священнослужителей в России как значимых лидеров мнений, оказывающих влияние на паству¹³. Отражается ли это на опыте самих священнослужителей? Доминирующий фокус на том, как другие воспринимают священнослужителей¹⁴, а не на

8. Mahmoud, A.B., Fuxman, L., Mohr, I., Reisel, W.D., Grigoriou, N. (2021) “«We Aren’t Your Reincarnation!» Workplace Motivation Across X, Y and Z Generations”, *International Journal of Manpower* 42 (1): 193–209.

9. Шамарин Я.В. Социальный портрет священнослужителя в условиях мегаполиса. С. 260.

10. Зуева А. Современные исследования священника: обзор основных направлений // Материалы семинара «Социология религии». Серия: Священник в современном мире. 2016. Т. 16.

11. Hoge, D.R. (2006) “Religious Leadership/Clergy”, in H.R.F. Ebaugh (ed.) *Handbook of Religion and Social Institutions*, pp. 373–387. Boston, MA: Springer US.

12. Морозов Е.М. Современный священник: профессия или служение // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2016. Т. 22. № 20. С. 264–279.

13. Богачев М.И., Сорвин К.В. Политика в церкви: воздействуют ли священники на электоральные предпочтения православных верующих? // Мир России. 2019. Т. 28. № 4. С. 68–91.

14. Воронин С.В. Исследование особенностей социальной рефлексии православного священнослужителя. С. 127–136.

том, как они воспринимают самих себя, создает дисбаланс. Несмотря на то что есть серия глубинных исследований Н. Н. Емельянова¹⁵, автор тем не менее сам находится в священнической среде, сам является представителем исследуемой группы, что может приводить к определенным смещениям как при анализе данных, так и в самом подборе респондентов, когда они знают исследователя и признают его авторитет в своей среде.

В то же время взгляд на группу извне не позволяет сформировать достаточное представление о ней или же поддерживает стереотипы относительно данного довольно замкнутого сообщества. Поэтому именно изучение опыта прихода в священство может создать возможность не столько понять мотивации респондентов, сколько сообщить о рефлексии священнослужителей над своим опытом. От исследователя требуется четкое различение его позиции (и интерпретации) как аутсайдера и голоса представителей исследуемой группы, которые предлагают свой собственный нарратив.

Понятие саморефлексии, или рефлексии, в данном исследовании применяется именно к проживанию опыта, а также, как считается в некоторых подходах в психологии, со знанием. Поскольку знание и рефлексия взаимосвязаны¹⁶, в разговоре об опыте важными становятся события, смыслы и само знание, которые транслируются человеком, то есть его собственное их восприятие.

Данная статья состоит из трех разделов. В первом представлены методологические основания исследования, описан метод, а также данные, на основе которых исследование проводилось. Кроме того, в этом разделе подробно описаны выборка и основные характеристики респондентов. Во втором разделе представлены анализ и интерпретация интервью с молодыми священнослужителями Москвы, посвященные их рефлексии опыта рукоположения и связи личного и религиозного опыта. В послед-

¹⁵ См., например: *Емельянов Н. Н.* Кризисы и этапы в служении и жизни священника. С. 30–56; Православный университет и общество в России. Выпускники православного университета: поведение, ценности, установки: исследовательский семинар «Социология религии» / под. ред. *Н. Н. Емельянова, Е. Б. Мелкумяна, И. В. Павлюткина*. М.: Изд-во ПСТГУ, 2013.

¹⁶ *Дударева В. Ю., Семенов И.* Феноменология рефлексии и направления ее изучения в современной зарубежной психологии // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2008. Т. 5. № 1. С. 101–120.

нем разделе приводятся результаты и выводы, а также возможные интерпретации полученных результатов.

Методология и метод исследования

В качестве кейса и, соответственно, территориальной границы данного исследования был выбран город Москва, поскольку, как уже было сказано, это наиболее показательный регион в интересующем нас смысле. С одной стороны, в Москве находятся самые большие православные университеты в России, с другой — в столице больше приходов, которые нуждаются в священнослужителях. При этом в Москве наблюдается высокий уровень поляризации паствы: много относительно прогрессивной молодежи сосуществуют с «классическими» прихожанами, и священнослужитель должен находить общий язык со всеми, что также влияет на специфику переживаемого им опыта¹⁷.

Поскольку фокусом данного исследования является переживаемый субъективный опыт респондентов, методологической рамкой выступает трансцендентальная феноменология, а методом — текстуальный и структурный анализ¹⁸. Данный метод используется при работе с текстами глубинных интервью, в которых респондент концентрируется на своем субъективном переживаемом опыте, рефлексировает его и насыщенно описывает, при этом выявляя некоторую субъективную (как оказывается в итоге — интересующую) причинность своих действий и переживаний. В целом текстуальный и структурный анализ состоит из трех главных частей. Первый этап направлен на дескриптивное насыщенное описание переживаемого опыта с акцентом на социальных фактах и событиях, значимых для респондента. На втором этапе проводится повторный анализ текста интервью для конструирования интересующих смыслов и причинности, которые выстраиваются самими респондентами при рефлексии своего опыта. Третий этап одинаков как для отдельных респондентов, так и для группы в целом: это составление общего тексту-

¹⁷ Шалина И. В. К вопросу об индивидуальном стиле мышления священника // Аксиологические аспекты современных филологических исследований. Екатеринбург, 2021. С. 98–102.

¹⁸ Moustakas, C.E. (1994) *Phenomenological Research Methods / Clark Moustakas. Methods and Procedures for Conducting Human Science Research*. Thousand Oaks: SAGE Publications.

ально-структурного описания переживаемого опыта, а также интерпретация группового опыта.

Феноменология работает с гомогенной группой, пережившей общий специфический опыт. Под опытом в данной работе мы имеем в виду несводимое к объективному и значимое для человека переживание, которое во многом конституирует то, как этот человек понимает и интерпретирует свою жизнь. Именно в силу гомогенности группы и, соответственно, относительной однородности собранного эмпирического материала становится возможной работа с микровыборками. В случае данного исследования выборка также строилась по признаку однородности и ограничивалась рядом значимых для нас критериев. Во-первых, возрастной аспект — нас интересовали исключительно молодые священнослужители, поэтому возраст респондентов был ограничен промежутком 22–35 лет. Если верхняя граница является классической для определения молодежи, то нижняя связана с выпуском из семинарии и началом самостоятельного пути через рукоположение к священству. Во-вторых, нам было важно, чтобы опыт, через который прошли наши респонденты, был сопоставим с социально-политическим контекстом, в котором он формировался. Так, критерием выборки стала продолжительность служения — не более пяти лет. Помимо сопоставимости контекста, данное ограничение также теоретически фундировано: исследователи рассматривают пятилетний период как возможный индикатор проявления выгорания у священства¹⁹. То есть первые пять лет служения во многом оказываются значимым первичным этапом принятия себя и своего дела — этот этап рассмотрим глубоко.

В нашу выборку вошли десять молодых священнослужителей московских приходов (табл. 1); эмпирическим материалом данного исследования, соответственно, стали десять глубинных феноменологических интервью средней продолжительностью 70 минут, сконцентрированных на субъективном опыте прихода молодых людей в священство. Нужно заметить, что, как показал наш анализ эмпирического материала, сан респондента не оказался критерием, делящим выборку на две подгруппы. Разумеется, респонденты-иереи рефлексировали свой опыт через более об-

¹⁹ Sunardi, Y. (2014). *Predictive Factors for Commitment to the Priestly Vocation: A Study of Priests and Seminarians*. Marquette University.

ширный событийный ряд, но, как правило, ни на эмоциональном отклике, ни на описании значимых событий это не сказывалось.

Нужно также заметить, что в выборку включались носители двух священнических санов: диаконы и иереи. Допущение о том, что опыт этих категорий респондентов сопоставим, строится на том, что в фокусе нашего внимания находится именно путь к принятию рукоположения и опыт прохождения по этому пути. Иными словами, прежде всего нас интересует то, почему и как наши респонденты пришли к осознанию священства как своего дела и в каких терминах они сами это описывают. Мы стремились проинтерпретировать опыт служения в церкви, а потому опыт носителей первой степени священства — диаконов — кажется также релевантным, тем более что именно эта категория находится в наиболее динамическом состоянии, так как является промежуточной, трансформационной ступенью для движения в церковной иерархии. Опыт диаконов не включался в рассмотрение Н. Н. Емельяновым²⁰, хотя он отмечает их равенство в плане ответственности, наложенной на диаконов и иереев²¹. Мы же включаем рефлексию диаконов относительно своего пути.

Таблица 1. Характеристика респондентов

№	Сан	Возраст	Продолжительность служения (лет)
1	Диакон	23	3
2	Иерей	25	1+3
3	Диакон	24	1
4	Иерей	31	1+1
5	Иерей	24	1+0,5
6	Иерей	26	1,5+3
7	Иерей	29	1+4
8	Диакон	26	3
9	Диакон	34	5
10	Иерей	26	2+2

²⁰ Емельянов Н. Н. Кризисы и этапы в служении и жизни священника. С. 37.

²¹ Емельянов Н. Н. Значение семьи православного священника в пастырском служении: богословский подход // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 1: Богословие. Философия. Религиоведение. 2019. № 82. С. 43.

Нужно также сделать замечание по поводу закрытости исследуемой группы для аутсайдеров, коими в данном случае являются авторы статьи. При попытке входа в поле перед нами возник ряд проблем, в том числе низкий уровень доверия, из-за чего коэффициент ответа при непосредственном обращении к отдельным членам группы в социальных сетях был достаточно низок. Также у молодых священнослужителей присутствовал определенный страх перед процедурой интервью и скепсис относительно гарантий анонимности, что также значительно усложнило доступ в поле. Во многом именно поэтому нам приходилось находить точки входа в исследовательское поле вне сообщества священнослужителей непосредственно, а через разнообразных приближенных к полю людей: бариста в кофейнях при храмах, звонарей, активных прихожан, что также, с одной стороны, дифференцировало приходы, которые попали в итоговую выборку, а с другой — поставило исследователей в положение частично «своего». Это наложило на авторов большую ответственность, потому что некоторые темы, которые затрагивали наши респонденты, были сензитивными и достаточно личными, а иногда демонстрировали неконвенциональный и даже критический взгляд на некоторые аспекты церковного служения.

В данном исследовании использовалась индуктивная стратегия. Таким образом, эмпирический материал во многом конституировал дальнейшую структуру настоящей статьи, а также сам становился внутренним ориентиром для авторов в выявлении интересубъективных смыслов, которые не вычлениются нами из теоретической базы, а скорее аналитически конструируются из текстов интервью. Работа с теоретической базой производилась в дальнейшем, на этапе интерпретации полученных данных, поэтому некоторые аспекты, полученные нами в поле, подтверждались позднее. Данное исследование встраивается в уже существующую и продвигаемую в работах Н. Н. Емельянова дискуссию.

Восприятие священнослужителями своего дела

Изначально важным вопросом для нас была персональная интерпретация молодыми священнослужителями своего дела: где в дихотомии работа/призвание, они сами видят место священства и его роль. Уже на раннем этапе исследования стало очевидно, что восприятие своего дела для молодых священнослу-

жителей тесно связано с эмоциональным откликом на всем пути к рукоположению.

Прежде всего нужно заметить, что священство для молодых служителей церкви оказывается во многом за пределами указанной дихотомии, потому что не только вбирает в себя черты и того и другого, но становится для самих священнослужителей чем-то качественно иным, более масштабным и значимым. Так, в своем описании священнического дела наши респонденты использовали категорию служения, которая строилась на нескольких значимых аспектах. Во-первых, служение обязательно связано с жертвой, на которую служащий идет добровольно:

на работе ты можешь сказать: не хочу, не пойду, не буду. А когда ты служишь, ты от себя немного отказываешься в пользу того, чтобы другим стало немного лучше, полегче (иерей, 25 лет).

Это, в свою очередь, означает, что фактически нет никакого деления между священством и личной жизнью — она сама оказывается священству подчинена и встроена в него по остаточному принципу. Во-вторых, священство непрерывно, оно не дает священнослужителям возможности взять перерыв, потому что *«священник — он всегда священник»* (диакон, 24 года). Размышляя об этом, наши респонденты скорее говорили не про ненормированный рабочий график или сверхурочные часы с неожиданными вызовами на службу, а про невозможность мысленной и моральной сепарации от своего служения. Иными словами, *«священство первично по отношению ко всему, даже по отношению к семье»* (диакон, 24 года), но и в восприятии самих молодых служителей церкви *«подлинное священническое служение не подменить ничем, никакими своими интересами, никакой погоней за деньгами»* (иерей, 31 год), что во многом создает двустороннюю крепкую связку между священнослужителем и священством как делом: одно без другого перестает существовать и иметь изначально заложенный в это смысл.

Еще одной причиной, по которой молодые люди отказываются говорить о священстве в контексте различения работы и призвания, является то, что когда священство начинает восприниматься как исключительно деятельность профессиональная, это приводит к потере самого сакрального смысла священнослужения, вслед за чем у молодых людей появляется разочарование:

«Если человек смотрит на это как на профессию, то он как минимум долго не протянет» (иерей, 29 лет). Восприятие священства как профессии вытесняет для священника компонент *«связи с Богом»* (иерей, 31 год), а попытка отделить себя — частного человека от себя — священника также заканчивается выгоранием и сломом, *«потому что нету Бога в этих рассуждениях»* (иерей, 25 лет).

Помимо этого, конечно, остро стоит и материальный вопрос. *«Священники не получают денег, они просто не за это получают деньги, они не зарабатывают денег»* (иерей, 26 лет). Надо учитывать также, что священнослужителям едва ли удастся работать где-либо еще помимо службы из-за очень большой занятости в церкви и включенности в жизнь прихода; оказывается, что путь священника лишен финансовой стабильности, хотя *«каждый трудящийся достоин пропитания»* (иерей, 25 лет). Соответственно, то жалование, которое молодые священнослужители получают за свое дело, необходимо им и их семьям, однако иногда его оказывается в принципе недостаточно. С другой стороны, данный процесс материального вознаграждения за выполнение своего призвания приводит к тому, что *«сакральное переходит в профанное»* (диакон, 23 года), запуская еще одну волну рефлексии молодых священнослужителей относительно себя, своего дела и своей роли во «Вселенской» церкви. При этом священнослужителям по специфике своего служения предписывается смиряться с неопределенностью в материальном и финансовом жизнеобеспечении и в этом отношении уповать на волю и милость Бога, однако далеко не всем удастся следовать этому пути с уверенностью, *«потому что очень редко священник, еще реже диакон, может в достаточной мере обеспечить семью только дьяконством или только священством»* (диакон, 23 года). Иногда материальный аспект становится значимым для осознания, что для продолжения своего служения нужно еще больше работать над собой и смиряться перед предстоящими жизненными трудностями: *«...я до сих пор не стал священником по разным причинам, все озвучивать не буду, но в том числе, потому что я не готов»* (диакон, 23 года). Здесь мы вновь видим, как наши респонденты осознают противоречие между необходимостью быть уверенным в Боге и Его милости и неуверенностью в способности обеспечить себя, свою семью и при этом осуществлять полноценное служение в церкви.

Другим значимым аспектом в восприятии священнослужителями своего дела становится эмоционально-чувственная его окраска и ее динамика по ходу всего пути к рукоположению и после него. Первым и перманентным эмоциональным откликом наших респондентов в описании опыта рукоположения и всего пути к священству является страх. Во многом именно страх становится доминирующим чувством, присутствующим в субъективном опыте. Прежде всего страх порождается постоянным сопоставлением себя с тем, что являет собой Бог и Церковь:

предельный абсолют, недостижимый абсолют, вот такой совершенно прекрасный, имеющий предельную ценность, абсолютно недостижимый. И тут ты решаешь — что уже само по себе абсурдно, — что ты можешь быть достоин причастия к этой предельной абсолютной ценности. И это страшно (диакон, 24 года).

В целом попытка встроиться в сакральную и вечную структуру Церкви приводит к ощущению постоянной собственной слабости в сравнении с Тем, чьи слова и учение священнослужителю необходимо передавать через себя и свой образ.

Вторым значимым аспектом, вызывающим чувство страха на пути к священству, оказывается как раз образ и роль священника, которые будут накладывать большие ограничения на жизнь молодых людей. Во многом это происходит из-за большой мистификации группы священнослужителей и неполного понимания того, с чем в целом имеет дело священник в повседневной жизни:

разум наш так играет, что ты наперед начинаешь примерять это все, пропуская тот момент, что ты ведь всему этому научишься. Все это будет постепенно. То есть это не свалится на тебя одномоментно (иерей, 31 год).

Так, страх становится парализующим, отталкивающим от идеи продолжать свой путь становления в священстве. И здесь во многом спасительным оказывается все то же восприятие священнослужения не просто в качестве карьерного пути, а в качестве дела, уготованного Богом, без которого молодой человек не сможет выжить и обрести себя в чем-либо, помимо священства.

Наконец, страх возникает перед будущим контролем, внешним и внутренним, перед ограничениями на пути к священству

и перед ответственностью, которая падет на плечи молодых священнослужителей после рукоположения:

ну, конечно, испытывал страх перед судьбой священника, наверное, испытывал. Хотя, наверное, по большому счету, честно, искренне скажу, что это было связано все-таки с таким метафизическим страхом ответственности (иерей, 26 лет).

Нужно заметить, что в целом феномен контроля, который еще будет описан ниже, оказывается значимым элементом, конституирующим будущий образ священнослужителя; он тесно переплетен с ответственностью, которую священник постоянно испытывает перед собой, Богом и окружающими людьми.

Таким образом, важно заметить, что на пути к рукоположению распространенными оказываются чувства страха и ответственности, которые во многом доминировали даже над чувством любви, заложенной в самом христианском учении. Это может быть связано с адаптацией к новой роли или даже адаптацией к мысли о принятии новой роли и новой большей ответственности. Такой эффект также отмечается в других исследованиях, когда речь идет о более осознанных и более поздних этапах служения²², однако наши респонденты транслировали чувство страха в описании своего опыта, что может объясняться спецификой контекста формирования опыта молодых современных священнослужителей и в целом уникальностью характеристик поколений, к которым они принадлежат²³. Несмотря на то что страх во многом внутренне трансформируется и видоизменяется по ходу проживания опыта, он тем не менее остается основной чувственной компонентой на пути к рукоположению.

Ответственность священнослужителей оказывается очень сложным феноменом. В первую очередь она двойственна. Священнослужитель ответственен не только за себя и свои грехи как православного христианина, но и за свою паству, за каждое решение, принимаемое окружающими: *«Нет, я отвечу за свое служение перед Богом. Отвечу за каждого человека, который ко мне приходит»* (иерей, 31 год). Священнослужитель не видит перед собой легкой дороги к Богу и не ждет вознаграждения за свое

²² Емельянов Н.Н. Кризисы и этапы в служении и жизни священника. С. 47.

²³ Burnett, J. *Generations: The Time Machine in Theory and Practice*.

дело раем. Наоборот, ответственность за свои поступки накладывается на служителей церкви в большей мере, и оценивают священников гораздо строже, чем простых мирян: «...ему бы самому спастись. Он тоже будет на Страшном суде отвечать, его судить будут строже» (диакон, 24 года).

Более того, на священнослужителей накладывается ответственность перед церковью как корпорацией, ведь они являются лицом своего прихода, и именно им придется отвечать за то, как сложились отношения каждого отдельного прихожанина с Богом и Церковью, как тот в дальнейшем будет воспринимать религию:

когда ты становишься священником... ты должен как бы, уж простите, фильтровать все, что изо рта выходит, потому что ты можешь сказать что-то обидное, и человек больше в храм из-за тебя не придет (иерей, 25 лет).

Помимо этого, священник и его семья являются примером для своей паствы, что формирует пространство внешнего контроля со стороны последней. Священнослужитель должен быть идеальным:

с этим связана, понятно, куча проблем. Начиная от того, что к вам относятся как к этому идеалу, заканчивая тем, что вам надо стремиться к этому идеалу (диакон, 24 года).

Он должен быть образом, олицетворяющим идеи и учения Церкви: «...священник... является первым лицом на божественной литургии» (иерей, 25 лет). Во многом поэтому к священнослужителю начинают относиться строже, оценивать его уже не совсем по меркам самих мирян. Таким образом, священнослужители внутренне ощущают ответственность сразу и перед людьми, и перед церковью, и перед Богом, стараясь балансировать — что получается далеко не всегда — и внутренне переживать эту ответственность, что запускает дальнейшую рефлексию по поводу своего дела и императивов, которым это дело оказывается подчинено.

Наконец, важным аспектом в восприятии своего дела священнослужителями является понимание своего служения как миссии. Священнослужители мыслят себя проводниками мирян к Богу, и это, с одной стороны, делает фигуру самого священни-

ка не столь значимой, потому что священнослужитель должен *«быть прозрачным стеклом»*: *«Ты проводник, ты должен помочь людям, ты должен вести за собой к Нему, ко Христу. Люди идут не к тебе, а к Христу»* (иерей, 26 лет). С другой стороны, священнослужитель стремится, чтобы возникала церковная община, которая строится вокруг самого священнослужителя как «отеческой» фигуры:

вот как родителю. Основная задача родителя — это научить ребенка самостоятельности, чтобы он смог выйти в эту жизнь. Также и священник должен научить самостоятельности в отношениях с Богом (иерей, 31 год).

И в такой перспективе уже сам священнослужитель становится чем-то большим, чем *«руками Бога, руками общины»* (иерей, 24 года). Он становится значимым в отношениях между человеком и Богом, не только и не столько безликим проводником, сколько наставником, учителем жизни.

Изменения, инициированные рукоположением

Изменения являются важной частью саморефлексии молодых священнослужителей. Здесь можно выделить несколько аспектов, о которых говорили респонденты: внутренние изменения, внешние изменения образа, телесные преобразования. Самовосприятие себя в качестве священника является частью внутренних изменений: *«И вот священный сан, он и ощущается как одежда, которую на тебя надели, и она не снимается»* (иерей, 26 лет). Священство становится чем-то большим, чем социальная роль, оно становится идентичностью, основной призмой для восприятия себя и мира, неотъемлемой частью жизни. Этот аспект — при том, что он понятен, если смотреть извне — на самом деле достаточно специфичен, так как помогает понять, почему священство воспринимается молодыми священнослужителями настолько персонально и почему часто дорогой к священству становятся события, побуждающие его переосмыслить себя самого. Этот аспект также оказывается специфичным с точки зрения теории идентичности. Если иметь в виду представление о множественной идентичности, о ее фрагментарности и зачастую ситу-

.....

ативности²⁴, то оказывается, что «священство» вытесняет другие «восприятия себя»: регион становится не важен, так как священнослужитель служит на том приходе, куда его назначат; семья оказывается подчинена священству; и единственная референтная группа — это «Церковь».

Священство также накладывает на молодых людей обязательства, которые они сами осознают внутри себя. Так, священник должен любить всех людей, несмотря на их греховность:

будучи священником... больше стараешься любить всех тех, кто к тебе приходит (иерей, 31 год);
мы призваны любить грешника, но ненавидеть грех. То есть нужно разграничивать саму личность человека от того, что эта личность делает (иерей, 25 лет).

При этом сам священник остается строгим к себе и рефлексивным — «золотое правило: будь строже к себе и снисходительнее к людям» (иерей, 26 лет). Во многом именно здесь проявляется асимметрия в отношениях священнослужителя и паствы: первый всегда оказывается ограниченным как со стороны паствы, так и самим собой, прихожане же — наоборот. Опыт прихода в священство рефлексивируется в контексте тех изменений, которые произошли с человеком на пути к рукоположению и после него. Если обратиться к событиям до рукоположения, то весь предыдущий жизненный опыт помогает нынешнему служению: «...это ведь на самом деле точка всего его опыта, всей его начитанности, всей его насмотренности» (иерей, 31 год). То есть весь жизненный опыт священнослужителя, все то, с чем он встречался на своем пути, является основой его действий.

Вторым важным аспектом является изменение своего образа, которое ощущают респонденты. Священнослужитель постоянно испытывает на себе повышенное внимание со стороны окружающих — «я ловил буквально каждый взгляд на себе» (иерей, 25 лет). Это ощущается как постоянный внешний контроль со стороны паствы и общественного мнения: «...ты понимаешь, что ты священник и на тебя смотрят как на священника. Чего-то ты уже не можешь позволить» (иерей, 29 лет). Во мно-

²⁴ Hall, S., du Gay, P. (eds) (1996) *Introduction: Who Needs Identity?*. Questions of Cultural Identity. L.: Sage.

гом это соотносится с уже ранее упомянутой идеей ответственности. Изменения в образе связаны с чувством ответственности и ожиданиями со стороны других. Священнослужитель становится примером для подражания, некоторой ролевой моделью, на которую ориентируется паства. А это значит, что он и его семья сами должны стремиться к идеалу и поддержанию этой ролевой модели: *«И по-хорошему семья священника и жена священника должны являть собой идеал тот самый недостижимый, на который все должны равняться»* (диакон, 24 года), и это вновь возвращает нас к вопросу об ответственности и постоянных ограничениях.

Стоит отметить, что изменение статуса и образа в глазах других не говорят об изменении моральных установок и видения самого служения:

никаких особых изменений не произошло. Да нет, нас с детства учили послушанию, уважению, почитанию старших. Тут, в принципе, так же: слушаешь старших, воспитываешь себя, воспитываешь детей (иерей, 29 лет).

Принципы сохраняются, несмотря на происходящие изменения. Молодые священнослужители часто говорят о том, что, несмотря на все ожидания, связанные с фигурой священнослужителя, на все неизбежные трансформации на пути к рукоположению и феноменальность самого опыта, они осознают свою изначальную predisposition к этой миссии.

Важной (юмористической) линией, пронизывающей опыт молодых священнослужителей, является вопрос телесных изменений в контексте увеличения массы тела:

ну, пополнел чуть-чуть (иерей, 31 год);

я в семинарии был щуплый, как мальчик. А сейчас хоть какой-то бугай. Я сам от себя в шоке. Я себя так не ощущаю, а выгляжу реально, как будто бы два [имя] ходит вместо одного (диакон, 23 года).

Несмотря на то что эта тема часто воспроизводилась в качестве шутки, она вписывается в общий нарратив «изменений», которые замечают сами респонденты, и демонстрирует общность быта и практик изучаемой группы, а также ее гомоген-

ность не только с точки зрения пережитого опыта, но и с точки зрения образа жизни:

разумеется, мы все время стоим на каменном полу, у нас совершенно ненормированный режим питания. Завтракать — это вообще странно, это неправильно, это что-то ненужное. Священник же не может вкушать пищу до момента причастия. Если рядовой христианин причащается, ну, раз в неделю — это очень часто, то ты причащаешься каждый день или через день. У тебя получается сразу обед, и он в 12. Понятное дело, что полнота это не от того, что мы много едим, а от того, что мы неправильно едим (иерей, 27 лет).

Отчасти анекдотический характер упоминания о телесных изменениях связан со специфическим, уникальным с точки зрения переживаемого опыта характером священнического служения.

«Значимые другие» и феноменальные события на пути к принятию священства

В рефлексии своего жизненного опыта прихода в священство наши респонденты делают акцент на двух феноменальных для них аспектах: обретении в церкви своего духовного наставника и женитьбе.

Отецская фигура духовника оказывается значимой для наших респондентов на протяжении всего пути от мирянина к священнослужителю; как правило, именно со своим духовником многие молодые люди советовались по поводу желания начать служение, именно духовный наставник оказывается для наших респондентов «значимым другим»: *«И все-таки духовный наставник в тот момент говорил правильно, и вот этот образ в голове отпечтался»* (иерей, 25 лет). Поэтому на многих этапах рефлексии молодые священнослужители обращаются к этой фигуре: *«Мой духовный отец всегда меня так учил»* (диакон, 24 года), *«На самом деле, духовник, духовный отец, он должен рождать в духе»* (иерей, 31 год). Здесь попытка найти в этой фигуре ролевую модель, идеальный образ священника, к которому необходимо стремиться.

У духовного наставника многие молодые люди находят утешение или ищут совета, который никто другой им дать не может: *«Я из-за этого очень сильно переживал и очень сильно со-*

крушался до тех пор, пока не поговорил с духовником» (иерей, 25 лет). Эти советы могут быть как глубоко духовного содержания, так и абсолютно практические — так происходит та самая передача опыта, когда молодые люди испытывали страх на пути к рукоположению:

мой духовник, мой духовный отец, как раз за 80 лет, он 40 лет служит священником, я когда к нему с каким-то вопросами прихожу, он, ну, может, не каждый второй, но каждый третий раз говорит: «Ну, пошути просто, просто посмейтесь вместе. Я всегда шучу, и все» (диакон, 24 года).

Еще одной значимой фигурой в жизни молодых священнослужителей оказывается жена, а феноменальным событием — женитьба. В российском контексте, когда все принимающие сан молодые люди должны либо принять монашество, либо заключить брак, иногда брачные узы священнослужителями воспринимаются как формальность на пути к рукоположению. Однако с точки зрения самих наших респондентов все не так. Несмотря на то, что молодые люди, как правило, не отрицают необходимости наличия жены как условия для рукоположения и даже шутят о трагикомедии поиска невесты семинаристами, сама женитьба оказывается событием решающим. Во многом именно женщина решает, сможет ли она принять священство своего мужа и те обязательства, которые на нее будут наложены: *«Священническая жена — это жестче, чем генеральская жена»* (диакон, 24 года). Быт матушек и их мотивации заслуживают отдельного исследования, однако в рамках настоящей статьи стоит сказать, что зачастую данная группа «матушек» оказывается даже более стигматизированной, чем сами священнослужители, а контроль со стороны церковного сообщества ощущается ими гораздо острее. Более того, от женщины зависит, сможет ли она пройти путь к священству вместе со своим мужем и продолжить следовать за ним уже после рукоположения, или они оба окажутся отчужденными от паствы и ею осуждаемыми по тем или иным причинам.

Необходимость быть женатым для рукоположения не отменяет любви между супругами. Любовь здесь оказывается важнее:

желание стать священником не первичнее твоих отношений. То есть сначала ты все-таки влюбляешься в человека, потом женишься, а потом уже тебя рукополагают (иерей, 31 год).

Более того, многие наши респонденты отмечали, что жена появлялась в их жизни сама, словно приведенная к ним божественным промыслом, поэтому корысти здесь не было:

у меня и в принципе это как-то органически, у меня не было сначала священство, потом женитьба, или мысли, что я вот женюсь ради того, чтобы быть священником (иерей, 29 лет).

Однако в целом семья священнослужителя оказывается в подчиненном положении по отношению к его церковному служению.

Нужно отметить также, что семья и женитьба в принципе становятся моделью будущего священства. Брак и семья дают опыт, необходимый в пастырской деятельности: *«Огромную долю пастырского опыта я получал, в том числе, за счет общения и взаимоотношений со своей супругой и с дочерью»* (иерей, 24 года). Семья учит ответственности и внутреннему контролю, столь необходимым священнослужителю. Именно семья и жена будущего священнослужителя полагают новый этап жизни, на котором молодой человек субъективно оказывается готовым к принятию сана:

это ответственность, которую ты на себя берешь. Ты не даешь себе никакие задние ходы. То есть это очень принципиальный момент. Это так же, как священство, шаг в пропасть. Вот жениться — это шагнуть в пропасть (иерей, 26 лет).

Таким образом, супруга священнослужителя становится для него самым значимым в мире «другим», проходит с ним этот путь и разделяет все тяготы священства, воспринимая часть его опыта. Особенно интересно, что для молодых священнослужителей, которые находятся в центре нашего внимания, весьма значимой оказывается именно фигура жены и союз двух людей — тогда как в предшествующих исследованиях акцент был сделан на феноме-

не отцовства²⁵, то есть и на фигуре самого священника в своей семье. Мы же фокусируемся на практически едином в представлении наших респондентов теле священника и его жены.

Здесь нужно заметить, что в разговоре о значимых людях и значимых аспектах в движении на пути к рукоположению практически не возникало упоминания школы или духовной семинарии, несмотря на то, что в исследовательский гайд этот момент был включен наравне с другими вопросами о «значимых других». И дело не в том, что семинария рассматривается как незначимый фактор. Скорее наши респонденты воспринимают семинарию инструментально — как необходимый шаг на пути своего движения к священству. При этом этот шаг для наших респондентов не является достаточным для того, чтобы научиться быть хорошим священником. Эту лауну для молодых священнослужителей восполняет, в частности, семья и супружество.

Феномен Божественного промысла

Важным для размышления о своем опыте прихода в священство у молодых людей становится Божественный промысл. Он присутствует в осознании предопределенности того, что молодой человек станет священником, если это его изначальное призвание: *«Как-то у меня все-таки совершенно ощущение, что как-то Господь меня сюда вытолкнул. Наконец, я здесь оказался»* (диакон, 24 года). Так возникает противоречие между ощущением страха перед собственной слабостью для соединения с абсолютной в представлении наших респондентов церковью при четком осознании, Кто решает, достоин молодой человек священнического служения или нет.

Более того, жизнь священника оказывается связана с ярким мистическим опытом:

Господь мне дал почувствовать себя, почувствовать на таком, на чувственном уровне. То есть я прямо прикоснулся к благодати. Он какое-то время в этом состоянии дал побывать (иерей, 31 год);

²⁵ Емельянов Н. Н. Значение семьи православного священника в пастырском служении: богословский подход. С. 44–45.

вот когда я уже дохожу до тупика, часто так происходит, то тогда уже «Все, не знаю, Господи, я уже все исчерпал свои силы». Тогда просто приходит осознание. Конечно, как я до этого не понимал! Вот как-то это приходит само по себе. По Божьей, я думаю, силе (иерей, 24 года).

При этом Бог постоянно проявляет себя в жизни священнослужителя, поддерживает его и помогает в том, что сам человек сделать никак не может: *«То есть я должен сделать все возможное от себя, а все невозможное сделает Бог»* (иерей, 25 лет). Важно, что в Боге священнослужители находят поддержку и подтверждение тому, что ими выбран верный путь. Общение с Богом происходит постоянно и часто предшествует священству:

вспоминая сейчас, я понимаю, что это у меня еще тогда возникало, когда я постоянно дискутировал с вымышленным оппонентом либо объяснял какую-то информацию, в данном случае тогда по истории больше. Но потом это, конечно, перешло в область богословия (иерей, 24 года).

При этом эта вера в божественную предопределенность не исключает проактивности и в целом агентности со стороны священнослужителя, порой даже наоборот: ощущение божественной поддержки дает больше сил и инструментария для активной деятельности священнослужителя в своем приходе и вообще в жизни:

это требует большого ресурса. И иногда ты просто... Знаете, когда рукополагают, когда епископ кладет руки на голову у алтаря, он говорит такие слова: «...божественная благодать, всегда немощная врачующая и оскудевающая восполняющая...» Я иногда от усталости просто буквально падаю к алтарю и повторяю эти слова, что силу если Господь только даст, тогда все будет нормально (иерей, 31 год).

Еще одним аспектом, который можно выделить из опыта некоторых респондентов, является уже упомянутое ранее выгорание, причиной которого была попытка отделить в себе мирское от священнического сана. Однако это не единственный путь осмысления данного аспекта. Только Бог может дать силы на свя-

щенническое служение: *«Мне кажется, что прокрастинация — результат того, что священник слишком сильно понадеялся только лишь на свои силы»* (иерей, 25 лет). *«Вот и получается, что человек начинает смотреть на Церковь как на институт... нету Бога в этих рассуждениях. И отсюда и получают такие вот колкости, всякие выхлопы в виде запрещения и оставления сана. И выгорания»* (иерей, 25 лет). В служении церковь как институт не должна становиться важнее Бога. Именно мистическая связь с Богом является опорой для продолжения служения, а желание его окончания говорит об утрате этой связи: *«У нас ведь очень много этих выгораний каких-то непонятных священнических, когда вот „выгорел“, как бы такое модное слово. Мне кажется, главная причина, что не было реальной связи с Богом»* (иерей, 31 год). Здесь нельзя не заметить также, что респонденты почти не разделяют психологические и дисциплинарные последствия выгорания: церковь вообще не отделяется от личности, а положение в ее структуре (и соответствующая идентичность) — от самореализации.

Кроме того, молодые священнослужители не отделяют свое решение от предопределенности, связанной с Божественным промыслом. Именно Бог и «предопределенность» продолжают быть опорой для продолжения деятельности в роли священнослужителя и поддержкой при возникновении каких-то трудностей:

внутренний диалог происходит с Богом. И ты спрашиваешь: «Господи, а Тебе вообще это нужно, чтобы я тут был?» И я как-то получил ответ, что да, что воля Божья есть. И это, конечно же, было очень удивительно (иерей, 31 год).

Таким образом, опыт прихода в священство для молодых людей неотделим от опыта Бога как проводника, опоры и поддержки, что позволяет получить подтверждение правильности выбранного пути.

Заключение

Вопрос о соотношении идентичности представителей молодого поколения и принятия ими жизненно важных решений (это касается и рукоположения в священный сан) остается актуальным в современных социальных исследованиях. При этом вос-

приятие рукоположения проливает свет на это соотношение, что показало наше исследование.

При анализе интервью обнаружились частые упоминания респондентами размышлений о собственном выборе жизненного пути и о своих личностных качествах. Священнослужители рефлексировали свой выбор через Божественный промысл, стремление к моральному идеалу, сопряженному со страхом несоответствия и ощущением огромной ответственности, качественно не сравнимой с той, которая лежала на них ранее. Для молодых людей священство раскрывается через служение — ответственность перед Богом, церковью и людьми. Постоянный контроль, внешний и внутренний, является важной частью опыта молодых священнослужителей: он оказывает влияние на переживание священников, заставляет их искать внутренних ориентиров, что позволяет молодому человеку преодолеть состояние страха и не отказаться от выбранного пути. Особенно интересной представляется роль семьи (жены и детей) в выборе стези служения, разделение трудностей службы и ответственности с семьей. Жена — будущая матушка — может стать серьезной опорой для молодого человека и быть его постоянным соратником, но в ее же силах сделать так, чтобы молодой человек отказался от пути к священству или ему отказали в рукоположении. В этом отношении кажется очень значимым изучить также и жизненный опыт самих матушек, их мотивации к браку с человеком с достаточно специфическим и трудным призванием, а также фреймы и образы, через которые священнослужители воспринимаются людьми, входящими в церковную систему, например, в качестве прихожан; в том числе рассмотреть, насколько вера священнослужителей отличается от веры их паствы.

Интересно также, что само рукоположение оказывается моментом феноменальным. Оно не только делит жизнь на до и после, но качественно преобразует ее, заставляя молодых людей испытывать новые переживания, более глубокие и полные, содержательно отличающиеся от тех, которые они до этого испытывали. В этом отношении рукоположение — не просто формальный ритуал, не просто событие, которое изменяет социальный статус молодого человека и его положение в церковной иерархии, но также — момент глубокого личностного эмоционального потрясения, который наши респонденты могут сопоставить (лишь частично) с женитьбой. Во многом рукоположение — мо-

мент складывания нового «я», новой самости, которая указывает не только и не столько на изменившееся внешнее позиционирование, сколько на внутреннее переосмысление себя. Для молодых людей идентификация с позицией священнослужителя связана не с предписанными ритуалами и правилами церкви как института, а скорее с их собственной постоянной рефлексией своего положения в глазах Бога и прихожан.

Здесь важно заметить, что священство для наших респондентов становится всепоглощающей идентичностью. Священство — это не ситуация конфликта ролей, как представлялось предыдущим поколениям служителей церкви²⁶, это не перманентный выбор между «должностной харизмой» и «личной харизмой»²⁷; наоборот, опыт церковного служения оказывается единым, монолитным целым, включающим все аспекты жизни священника.

Побочным результатом данного исследования оказалось выявление очень четкоотрефлексированного самими священнослужителями феномена выгорания, являющегося следствием постоянного ощущения внешнего контроля, а также выхолащивания сакрального из священства при восприятии его исключительно в качестве работы. Этот феномен можно рассматривать в рамках отдельного исследования со своим инструментарием и фокусом, однако уже наше исследование показывает, что сама эта тема довольно часто затрагивается в священнической среде и поднимает важную проблему.

Любопытно, что данное исследование во многом подтверждает работы начала 2010-х годов²⁸. Установки, мотивации, частично даже опыт и переживания молодых священников через достаточно большой временной промежуток остаются стабильными, при том что поколения с их характерными чертами меняются. Возможно, это происходит в силу фактора духовных семинарий, в которых обучаются будущие священники, и нарративам, которые они там воспринимают. Сами наши респонденты, однако, этого не замечают и не придают образованию содержательной значи-

²⁶ Емельянов Н. Н. Кризисы и этапы в служении и жизни священника. С. 34.

²⁷ Deschwanden L. von. Eine (1968) *Rollenanalyse Des Katholischen Pfarreipriesters. Beiträge Zur Religionssoziologischen Forschung*. Internationales Jahrbuch für Religionssoziologie. Bd. IV, S. 123–157. Köln; Opladen.

²⁸ См., например: Православный университет и общество в России. Выпускники православного университета: поведение, ценности, установки: исследовательский семинар «Социология религии» / Н. Н. Емельянов, Е. Б. Мелкумян, И. В. Павлюткин. М.: Изд-во ПСТГУ, 2013.

мости. Так или иначе, это кажется интересной находкой и еще раз подчеркивает особенность рассматриваемой социальной группы.

Еще раз хочется обратить внимание также на не самый распространенный применительно к исследованиям священства методологический подход, использованный в данной статье. В большинстве своем исследования священства остаются позитивистскими даже у тех авторов, которые пытаются реконструировать соответствующий опыт и учесть субъективные аспекты²⁹. При всех достоинствах исследований Н.Н. Емельянова, в которых он применяет индуктивный качественный подход к исследовательскому полю, автор все-таки демонстрирует связь со своим собственным опытом в исследуемой сфере и, соответственно, не может полностью избежать соответствующих интерпретаций в процессе сбора данных и работы с ними. Мы же стремимся отойти от двойственности интерпретативного подхода и предоставить право на объяснительные модели самим респондентам. Несмотря на то что настоящая статья опирается на сравнительно небольшой корпус интервью, что объясняется спецификой группы и применяемой к анализу данных методологией, она создает определенную основу для дальнейших исследований опыта священнослужителей и представителей смежных закрытых социальных групп. Таким образом, данное исследование указывает на множество возможных лакун в изучении специфической священнической среды, в которую входит множество социальных групп со своими мотивациями.

Библиография / References

- Антоний (Храповицкий), еп. Лекции по пастырскому богословию. Казань, 1900. С. 75–82.
- Богачев М.И., Сорвин К.В. Политика в церкви: воздействуют ли священники на электоральные предпочтения православных верующих? // Мир России. 2019. Т. 28. № 4. С. 68–91. DOI: <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2019-28-4-68-91>; EDN: ALWNLW
- Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. М.: Прогресс, 1990. С. 44–271.
- Воронин С.В. Исследование особенностей социальной рефлексии православного священнослужителя // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитар-

²⁹. Там же. С. 67.

- ного университета. Серия 4: Педагогика. Психология. 2018. № 50. С. 127–136. DOI: <https://doi.org/10.15382/sturIV201850.127-136>; EDN: MJNNED
- Дударева В.Ю., Семенов И. Феноменология рефлексии и направления ее изучения в современной зарубежной психологии. Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2008. Т. 5. № 1. С. 101–120.
- Емельянов Н.Н. Значение семьи православного священника в пастырском служении: богословский подход // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 1: Богословие. Философия. Религиоведение. 2019. № 82. С. 34–50. DOI: <https://doi.org/10.15382/sturI201982.34-50>; EDN: DGQUMU
- Емельянов Н.Н. Кризисы и этапы в служении и жизни священника // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 1: Богословие. Философия. Религиоведение. 2022. № 99. С. 30–56. DOI: <https://doi.org/10.15382/sturI202299.30-56>; EDN: QGSRKS
- Зуева А. Современные исследования священника: обзор основных направлений // Материалы семинара «Социология религии». Серия: Священник в современном мире. 2016. Т. 16.
- Морозов Е.М. Современный священник: профессия или служение // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2016. № 22 (20). С. 264–279. EDN: XSTZSV
- Православный университет и общество в России. Выпускники православного университета: поведение, ценности, установки: исследовательский семинар «Социология религии» / Н.Н. Емельянов, Е.Б. Мелкумян, И.В. Павлюткин. М.: Изд-во ПСТГУ, 2013.
- Шалина И.В. К вопросу об индивидуальном стиле мышления священника // Аксиологические аспекты современных филологических исследований. 2021. С. 98–102. EDN: TQQOED
- Шамарин Я.В. Социальный портрет священнослужителя в условиях мегаполиса // Теология в научно-образовательном пространстве: задачи и решения. 2021. С. 258–269. EDN: OAALUQ
- Burnett, J. (2016) *Generations: The Time Machine in Theory and Practice*. Routledge.
- Cachia, E. (2019) *The Experience of Being a Priest and a Psychotherapist: the Lived Experience of the Two Identities*. Malta: IFT-Malta.
- Hall, S., du Gay, P. (1996) “Introduction: Who Needs Identity?”, in Hall S (eds) *Questions of Cultural Identity*. L.: Sage.
- Hoge, D.R. (2006) “Religious leadership/clergy”, in *Handbook of Religion and Social Institutions*, pp. 373–387. Boston, MA: Springer US. DOI: https://doi.org/10.1007/0-387-23789-5_19

-
- Mahmoud, A. B., Fuxman, L., Mohr, I., Reisel, W. D., Grigoriou, N. (2021) «*We Aren't Your Reincarnation!*». *Workplace Motivation Across X, Y and Z Generations*. *International Journal of Manpower* 42(1): 193–209. DOI: <https://doi.org/10.1108/ijm-09-2019-0448>; EDN: OGSXWU
- Moustakas, C.E. (1994) *Phenomenological Research Methods / Clark Moustakas. Methods and Procedures for Conducting Human Science Research*. Thousand Oaks: SAGE Publications. DOI: <https://doi.org/10.4135/9781412995658>
- Pietkiewicz, I. J. (2016) “Reaching a Decision to Change Vocation: A Qualitative Study of Former Priests’ Experiences”, *International Journal for Educational and Vocational Guidance* 16: 379–404. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10775-015-9318-2>; EDN: TVTTTV
- Sunardi, Y. (2014) *Predictive Factors for Commitment to the Priestly Vocation: A Study of Priests and Seminarians*. Marquette University.